

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347.1
ББК 67.404.01

О НОВОМ СУБЪЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ю. В. Блинова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
ORCID: 0000-0001-9565-6464

В рамках настоящей статьи представляется целесообразным проанализировать имеющиеся на текущий момент подходы к правосубъектности искусственного интеллекта, модели правосубъектности искусственного интеллекта, оценить риски и указать потенциальные пути развития отечественного законодательства. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день в Российской Федерации искусственный интеллект на законодательном уровне квалифицируется исключительно с позиции объекта права — комплекс технологических решений, технологии, средства, что не мешает научному сообществу предлагать на перспективу появления так называемого сильного искусственного интеллекта иные подходы и модели. Вместе с тем представляется, что рассмотрение искусственного интеллекта как субъекта права являет собой отложенное во времени действие и с повышением его автономности возникнет вопрос о перераспределении, например, деликтной ответственности, в том числе можно ожидать предпочтительное по сравнению с традиционным закрепление за искусственным интеллектом определенных видов имущества.

Ключевые слова: правосубъектность, субъект права, квазисубъект права, искусственный интеллект, робот, риски

ON A NEW SUBJECT INCIVIL LAW

Yu. V. Blinova

Altai State University (Barnaul, Russia)
ORCID: 0000-0001-9565-6464

Within the framework of this article, it seems appropriate to analyze the currently existing approaches to the legal capacity of AI, models of legal capacity of AI, assess the risks and indicate potential ways of developing domestic legislation. The author concludes that today in the Russian Federation AI is qualified at the legislative level exclusively from the position of a law object — a set of technological solutions, technologies, means, which does not prevent the scientific community from proposing other approaches and models for the prospect of the emergence of the so-called strong AI. At the same time, it seems that the consideration of AI as a law subject is a deferred action in time, and with the increase in its autonomy, the question of redistribution, for example, tort liability will arise, including one can expect a preferential assignment of certain types of property to AI compared to the traditional one.

Keywords: legal capacity, subject of law, quasi-subject of law, AI, robot, risks

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)3.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)3.10)

27 июня 2024 г. в рамках XII Петербургского международного юридического форума председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин выступил с лекцией на тему «Право и вызовы искусственного интеллекта», где обозначил отрицательную позицию по вопросу наделения так называемого сильного искусственного интеллекта правосубъектностью: «это огромной важности мировоззренческий вопрос», личными же правами может обладать только личность, а «признание субъектом права искусственного интеллекта влечет противоречия и пробелы в праве, что позволит виновному лицу уйти от ответственности» [1]. Признавая в целом позицию В.Д. Зорькина и разделяя опасения уважаемого юриста, считаем ошибочным недооценивать слова К.Э. Циолковского, пригодные и для юридической материи, о том, что невозможное сегодня станет возможным завтра.

В развитие заявленной темы статьи целесообразно сделать еще одно отступление: вплоть до 2020 г., эпидемии коронавируса, никто даже не подозревал, насколько точным и актуальным станет эпиграф из М. Фриша к работе автора, вышедшей в свет в 2002 г.: «Свадебного путешествия будет предостаточно, все важное Вы найдете в публикациях, изучите иностранные языки, господа, но путешествия, господа, — это средневековье, мы уже располагаем средствами коммуникации, не говоря о завтрашнем дне, средствами коммуникации, которые доставляют нам мир в дом, и ездить из одного места в другое — это атавизм ... Вы смеетесь, господа, но Вы еще увидите!» (перевод автора) [2, с. 348]. Но этого мало — слова принадлежат профессору, который приходит герою во сне, а сам роман был опубликован в 1957 г. Соответственно, представляется целесообразным проанализировать имеющиеся на текущий момент подходы к правосубъектности искусственного интеллекта, модели правосубъектности искусственного интеллекта, оценить риски и указать потенциальные пути развития отечественного законодательства.

Появление новых субъектов права в различных его отраслях всегда встречается юридическим сообществом как минимум настороженно: а не приведет ли это к бесполезному или даже вредоносному «умножению сущностей»? Последнее не менее реально, поскольку, как обращают внимание ученые, создание новых лиц зачастую чревато «асимметрией и коррупцией» и способно в конечном итоге «ущемить права и законные интересы традиционных субъектов права» [3, р. 275], таким образом, перефразированный закон сохранения вещества М.В. Ломоносова здесь вполне применим.

Вместе с тем «круг субъектов в каждой системе права меняется в ходе исторического развития, с изменениями в предмете и методе правового регулирования» [4, с. 30–31], но в целом правосубъектность является «достаточно эластичным понятием» и представляет собой «фикцию конкретной правовой системы» [3, р. 279, 277], что доказывается историческими и современными примерами законодательства. Так, в Древнем Риме рабы, по общему правилу, не признавались лицом, животные в Средневековье и сегодня, реки, национальные парки, тексты в настоящий момент по воле отдельных законодателей причислены к субъектам права [5, с. 15, 18; 3, р. 280].

Однако же замечено, что правопорядки с меньшей вероятностью наделяют юридической личностью неодушевленные предметы и с большей — сущности, которые являются людьми в этическом и метафизическом смысле, что в итоге согласуется с конечными целями конкретного правопорядка [3, р. 277–278].

По глубокомысленному утверждению Н.Н. Алексеева, причина наделения статусом субъекта права законодателем иных сущностей (вещи, человеческие цели, смысловые содержания, животные и коллективы) кроется в желании защитить определенную ценность от посягательств и детерминирована донаучностью юридического сознания. Такое сознание именно в персонификации видит возможность установления правовых ценностей и не знает иных ценностей, кроме персональных [цит. по: 6, с. 42]. К примеру, в Новой Зеландии наделение правосубъектностью Уонгануи должно было воспрепятствовать установлению права собственности на реку [3, р. 280].

На сегодняшний день ведутся активные поиски сущности, правовой природы искусственного интеллекта, роботов и прочих электронных, цифровых юнитов, причем поиски ведутся как российскими, так и зарубежными исследователями, представителями различных направлений — теоретиками права и отраслевиками [7, с. 74–83; 6, с. 86–105; 8, с. 32–38; 9, р. 85–95; 10, с. 31–39; 11, с. 547–554 и др.]. Соответственно, существуют различные подходы к правосубъектности искусственного интел-

лекта — от полного отрицания (пока наиболее распространенный) до полного признания таковой, с разработкой модели правосубъектности, включая промежуточные, смешанные подходы [12, с. 39–51; 5, с. 12–20; 7, с. 77; 13, с. 148 и др.], а также подходы, фиксирующие переходные состояния искусственного интеллекта (уже не объект, но еще не субъект права, квазисубъект права) [7, с. 78; 6, с. 86–105]. Рассмотрим некоторые из подходов и моделей.

Е. В. Пономарева относит роботов к квазисубъектам права, распространяя на них общие признаки, выделенные диссертантом к подобного рода категории: 1) социально-правовая ценность, чья значимость является признанной в правовом сообществе; 2) обладание одним или несколькими признаками субъекта права в отсутствие других необходимых и достаточных признаков; 3) признание их правосубъектности законодателем, судом или частью правового сообщества; 4) особая роль в правовой системе (правообладатели) [6, с. 41–44]. Автор ставит под сомнение целесообразность признания правосубъектности робота, поскольку «робот и искусственный интеллект не обладают необходимыми и достаточными признаками субъекта права, такими как потенциальная возможность самостоятельно приобретать и реализовывать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность, самостоятельно принимать правовые решения, иметь собственные правовые интересы и устремления, обладать имущественной обособленностью, реализовывать деятельность в праве» [6, с. 104].

С. В. Никитенко на основе анализа имеющихся наработок современной доктрины предлагает три модели правосубъектности искусственного интеллекта: 1) искусственный интеллект — объект права, в том числе он может выступать имуществом особого рода, по аналогии с правовым режимом животных; 2) искусственный интеллект одновременно объект и субъект права — в зависимости от правоотношений; 3) искусственный интеллект — субъект права по модели юридического лица, в том числе специального [12, с. 41–43, 47].

Н. Е. Ладенков помимо уже озвученных подходов не исключает правосубъектность искусственного интеллекта по модели физического лица или по собственной модели (*suigeneris*) [5, с. 17].

Находясь на прогрессивных позициях и в целом допуская наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, И. Б. Данилов различает три концепции: 1) концепцию частичной правосубъектности искусственного интеллекта (только деликтоспособность); 2) так называемую концепцию продвинутой частичной правосубъектности искусственного интеллекта (деликтоспособность + частичная правоспособность); 3) концепцию полной правосубъектности искусственного интеллекта [14, с. 24–25].

И. А. Филипова и В. Д. Коротеев в рамках положительного решения вопроса правосубъектности искусственного интеллекта называют следующие концепции правосубъектности последнего: 1) концепцию индивидуальной правосубъектности искусственного интеллекта; 2) концепцию коллективной правосубъектности искусственного интеллекта; 3) концепцию градиентной (ограниченной, частичной) правосубъектности искусственного интеллекта [15, с. 369–374], при этом третья концепция выглядит, по мнению авторов, на текущий момент наиболее приемлемой.

Следует отметить, что среди ученых, в принципе распространяющих правосубъектность на искусственный интеллект, видение последнего по модели юридического лица (концепция коллективной правосубъектности) пока доминирует, хотя нет логических препятствий для допущения возможности искусственного интеллекта быть субъектом (с различными модусами) авторского права (автор, соавтор, несовершеннолетний автор, соавтор и др.) по ст. 18 ГК РФ, что позволяет всерьез говорить о концепции индивидуальной правосубъектности искусственного интеллекта, особенно с учетом возросшего в XXI в. значения интеллектуальной собственности по сравнению с классической. В пользу менее популярной концепции говорит и тот факт, что искусственный интеллект в виде социальных роботов наделен антропоморфизмом и способен вызывать эмпатию [17, р. 213–231].

Российский законодатель занимает по исследуемому вопросу недвусмысленную позицию: так, в определении ст. 2 Федерального закона от 20.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных

данных», почти дословно воспроизводящем п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, из чего следует признание в России за искусственным интеллектом статуса объекта права.

9 июля 2025 г. Банк России направил организациям финансового рынка Письмо № ИН-016-13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке», где говорится о «решениях, принятых с применением искусственного интеллекта», «информации, созданной с применением больших генеративных моделей». Документом закрепляется возможность применения искусственного интеллекта при оказании услуг клиентам очевидным из обстоятельств образом, управлении рисками и имуществом организации (п. 4.2, 6.7 Кодекса), что, несомненно, демонстрирует, во-первых, расширение сферы применения искусственного интеллекта, во-вторых, увеличение сложности решаемых искусственным интеллектом задач.

Анализируя риски признания правосубъектности искусственного интеллекта, многие ученые-юристы предупреждают о необходимости кардинальной модернизации всей системы законодательства и права, что само по себе повлечет неминуемые ошибки. В практической же плоскости, как уже озвучено в начале статьи, велика опасность появления правовых лакун, способствующих уходу виновных от ответственности [6, с. 105; 1]. Но даже при квалификации искусственного интеллекта как эффективного средства, технологии в юридической сфере неизбежны проблемы прозрачности принятия решений, с одной стороны, сохранения конфиденциальности информации — с другой стороны. А по мере развития искусственного интеллекта возрастают риски самоуправства машин и даже наступления экзистенциальных катастроф [16, с. 96–98].

С учетом рассмотренных рисков от придания искусственному интеллекту правосубъектности очевиден факт немногочисленности сторонников принятия такого решения сегодня. Поэтому в зарубежной доктрине иногда можно наблюдать осторожные шаги в направлении правосубъектной экспансии обходными путями. В частности, К. Дарлинг поднимает в одноименной работе вопрос о распространении на социальных роботов правовой защиты. По мнению ученого, последние «вызывают в нас иное поведение, чем другие устройства, например, тостеры. При этом эффект роботов, которые активно и намеренно задействуют наши укоренившиеся антропоморфные реакции, значительно сильнее. Современный человек уже настроен на социальное взаимодействие с роботами-компаньонами, доступными сегодня, и можно только представлять, к чему способны привести технологические разработки следующего десятилетия. По мере того, как мы перемещаемся между отношением к социальным роботам, как к тостерам, и отношением к ним, скорее, как к нашим кошкам, может возникнуть ряд этических вопросов» [17, р. 220]. Трудно не согласиться с автором в части способности антропоморфных роботов вызывать у людей эмпатию, ярким свидетельством чего выступает, к примеру, реакция на финал вышедшего на экраны в начале 90-х фильма: у киногероев, зрителей на глаза наворачиваются слезы при виде погружающегося в огненную лаву T-800.

Я. Маатц размышляет о цифровом двойнике человека (достаточно широкий подход) и предлагает распространить нормы о правосубъектности и на цифрового двойника, благодаря чему потерпевший получит повышенную защиту, взыскивая при причинении ущерба цифровому двойнику, например, в случае разглашения медицинской информации, не только имущественный ущерб, но и моральный вред. В основе такой позиции лежит проецирование автором на цифрового двойника решения Высшего земельного суда во Франкфурте-на-Майне (Германия), который еще 14 января 1993 г. отметил: «Если компоненты извлекаются из тела с целью их последующего воссоединения с ним по воле право-

обладателя для сохранения функций тела или их реализации, то ... даже в период их отделения от тела эти компоненты продолжают образовывать с телом функциональное целое с точки зрения защитной цели нормы» [18, s. 428, 442].

В итоге допустимо предположить, что из-за разного уровня развития науки и технологий в различных странах достижение сильного искусственного интеллекта, а соответственно, наделение его правосубъектностью произойдет в мире не одновременно. Однако состояние, когда в одних государствах искусственному интеллекту придается правосубъектность, а в других — нет, способно длиться сколь угодно долго, поскольку и по сей день наиболее чувствительные общественные сферы далеки от унификации. Дополнительными сферами дивергенции в проекции международного частного права применительно к искусственному интеллекту могут выступать объем технических, интеллектуальных и прочих требований (условий) для признания искусственного интеллекта субъектом права, а также модели лица, которые сообщества государств или отдельное государство положат в основу своего подхода к материальному регулированию, что существенным образом отразится и на коллизионном [19, с. 31].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что на сегодняшний день в Российской Федерации искусственный интеллект на законодательном уровне квалифицируется исключительно с позиции объекта права — комплекс технологических решений, технологии, средства, что не мешает научному сообществу предлагать на перспективу появления так называемого сильного искусственного интеллекта иные подходы и модели. Вместе с тем представляется, что рассмотрение искусственного интеллекта как субъекта права являет собой отложенное во времени действие и с повышением его автономности возникнет вопрос о перераспределении, например, деликтной ответственности, в том числе можно ожидать предпочтительное по сравнению с традиционным закрепление за искусственным интеллектом определенных видов имущества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нагорная М. Валерий Зорькин высказался против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-vyskazalsya-protiv-nadeleniya-iskusstvennogo-intellekta-pravosubektnostyu/> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Блинова Ю. В. НИТ и преподавание иностранных языков // Педагогический университетский вестник Алтая. 2002. № 2. С. 348–353.
3. Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. P. 273–291.
4. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М. : Наука, 1974. 264 с.
5. Ладенков Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 12–20.
6. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
7. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83.
8. Абрамова Е. Н., Старикова Е. В. Искусственный интеллект как субъект авторского права // Гипотеза. 2020. № 1 (10). С. 32–38.
9. Talimonchik V. P. The Prospects for the Recognition of the International Legal Personality of Artificial Intelligence // *Laws*. 2021. № 10. P. 85–95.
10. Антонова Е. Ю. Технологии искусственного интеллекта — субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1 (14). С. 31–39.
11. Шестак А. В., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 547–554.

12. Никитенко С. В. Концепции правосубъектности искусственного интеллекта // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 2–2. С. 39–51.
13. Медведев Д. А. Искусственный интеллект как субъект права: деликтоспособность искусственного интеллекта // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2023. Вып. 4. С. 146–151.
14. Данилов И. Б. Концепции правосубъектности систем искусственного интеллекта // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. Т. 5. С. 23–26.
15. Филипова И. А., Коротеев В. Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. № 2. P. 359–386.
16. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 420 с.
17. Darling K. Extending Legal Protection to Social Robots: The Effects of Anthropomorphism, Empathy, and Violent Behavior towards Robotic Objects // Calo R., Froomkin M. A., Kerr I. (eds.) Robot Law. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publ., 2016. P. 213–231.
18. Maatz J. Deanthropozentrierte Rechtssubjektivität // Zeitschrift für geistiges Eigentum. 2024. Jh. 16. H. 4. S. 425–448.
19. Блинова Ю. В. Правосубъектность искусственного интеллекта: международно-частная перспектива // Марийский юридический вестник. 2023. № 1–2 (41). С. 29–32.